

Ню Юйхуань снова спросила:

— Эрлян, как ты... попал во дворец?

Она хотела спросить, как он стал евнухом, но слова застряли на языке.

— Семья бедная, братьев и сестёр много, вот и продали... — кратко ответил Эрлян.

На самом деле был ещё отец, который пил, играл и гулял, а мать оказалась слабой. Все пятеро детей натерпелись лишений. Его продали, и поначалу была хоть какая-то надежда, но потом он попал в руки работорговцев, где жизнь не стала лучше. Из-за недоедания он не мог быстро работать, даже несмотря на постоянные побои. Ему было всего около семи лет, когда работорговцы передали его во дворец. Новичок-кастрат сделал слишком глубокий надрез, едва не лишив его жизни, что привело к постоянному недержанию. Воспоминания об этом были мучительными, он несколько раз хотел покончить с собой, но инстинкт выживания каждый раз возвращал его к жизни.

— Страдания у всех разные. Видно, небеса придумали множество способов, чтобы люди запомнили их навсегда, — Ню Юйхуань посмотрела на двух юношей рядом, думая, что их путь ещё долог.

Фан Шу опустил голову и молчал, но вдруг не выдержал и бросился в объятия Ню Юйхуань.

— Сколько тебе уже лет? В детстве не позволял себя обнимать, а теперь, кажется, вернулся в прошлое...

Сын был её опорой, и, когда Фан Шу показывал слабость, Ню Юйхуань, как бы сильно она ни старалась казаться сильной, не могла сдержать слёз.

Фан Шу, прижавшись к матери, глухо проговорил:

— Отца оклеветали...

Ню Юйхуань поняла, что сын плачет. С тех пор как он повзрослел, Фан Шу редко плакал. Она мягко похлопала его по спине, пытаясь утешить:

— Не будем об этом...

— Отец наверняка хотел бы, чтобы его имя было очищено...

Мозоли на теле у каждого загребели и превратились в натоптыши, носить кандалы стало не так мучительно. За несколько дней Эрлян и Фан Шу сильно сблизились. Эрлян просил называть его просто по имени, чтобы было проще. По вечерам они собирались вместе: Эрлян рассказывал забавные истории из деревенской жизни — это были его лучшие воспоминания, а

Фан Шу делился знаниями о классической литературе, рассказывая так увлекательно, что даже Ню Юйхуань иногда смеялась.

У Фан Шу была бусина, которую он перебирал в руках, когда на душе было тяжело. Ню Юйхуань, заметив это, сказала:

— С нами всё будет хорошо.

Фан Шу лишь кивнул.

Летняя погода была переменчивой, как настроение женщины средних лет. В один из дней, когда они проходили через степь, начался ливень, словно с неба опрокинули огромные вёдра воды. Но марш не остановился, и всех основательно промочило.

Многие начали болеть, и у Фан Шу тоже появились признаки лихорадки, хотя и не сильной. Ню Юйхуань, переживая за сына, сняла свою старую верхнюю одежду и накинула на него. Дождь смыл грязь, обнажив её фарфоровую кожу. Вдали от столицы, где не было надзора, несколько солдат, увидев это, возжелали её. Они ворвались в толпу и попытались увести Ню Юйхуань. Фан Шу, заметив это, встал у них на пути:

— Что вы делаете?!

Один из солдат, дюжий как бык, ударил его, сбив с ног:

— Пошёл прочь!

Ню Юйхуань, видя, как сына бьют, изо всех сил набросилась на солдат.

Солдаты начали её дразнить:

— Эта полузрелая дамочка ещё и с характером.

Эрлян, увидев это, свалил двоих. Шум привлёк внимание всего лагеря. Фан Шу поднялся, удивлённый, что Эрлян, казавшийся таким хрупким, оказался способен постоять за себя.

— Вы что, с ума сошли? Эй, люди! Здесь бунт!

Даже будь Эрлян непобедимым мастером, он не смог бы справиться с тысячами солдат. Фан Шу почувствовал, что дело плохо. Один из солдат замахнулся мечом на Эрляна, но тот уклонился.

Троих загнали в угол, и казалось, что их ждёт неминуемая смерть. Но внезапно снаружи раздался ещё больший шум:

— Бандиты! Бандиты!

Звук копыт смешался с дикими криками нападавших. Палатка, где содержались заключённые, была забрызгана кровью, и вскоре её наполовину разрушили. Заключённые в панике пытались бежать, хотя понимали, что теперь всю жизнь придётся скрываться.

Фан Шу знал, что у них нет выбора. Не убегут — умрут. Если побег удастся — есть шанс выжить. Пока солдаты были в замешательстве, обороняясь от нападения бандитов, он решил действовать.

Два или три мужчины в звериных шкурах ворвались на лошадях и начали рубить всех подряд, не разбирая, кто солдат, а кто заключённый. Кровь и куски плоти летели во все стороны. Солдаты запаниковали. Фан Шу заметил их лошадей и кивнул Эрляну.

Эрлян, воспользовавшись суматохой, выхватил меч у солдата, отбил лошадь у одного из бандитов и вскочил на неё. Он в одиночку прорвался через толпу солдат, которые, увидев, что у бандитов нет коней, принялись рубить их.

Эрлян протянул руку Фан Шу, тот подхватил Ню Юйхуань, которая едва успела вскочить на лошадь.

Втроём они прорвались через палатку и помчались в ночь, полную бесконечной надежды. Сзади раздался крик:

— Стреляйте! Не дайте им уйти!

За ними погнались всадники. Лошади бандитов были выносливыми, но с тремя людьми на спине они не могли тягаться в скорости с кавалерией.

Ню Юйхуань уже получила стрелу в плечо, и её руки, обнимавшие Фан Шу, слабели с каждой минутой. Когда он наконец понял, что с ней что-то не так, было уже поздно.

Она слабым голосом произнесла:

— Эрлян... веди Цзюэ всё вперёд... не оглядывайся!

Фан Шу широко раскрыл глаза, но не успел схватить мать, как она упала с лошади. Только тогда он увидел стрелу в её спине.

— Мама! Эрлян, остановись! Стой! — закричал он в отчаянии.

Эрлян, стиснув зубы, оглянулся. Группа всадников уже окружила Ню Юйхуань, и один из них вонзил ей меч в сердце. Фан Шу, крича от боли, пытался спрыгнуть с лошади.

— Молодой господин! Тётя уже мёртва!

В истории есть Юйхуань, умершая из-за своей красоты в Мавэйпо, и есть Юйхуань, погибшая от мечей солдат из-за их похоти. Но кто знает о Нью Юйхуань, которая пожертвовала жизнью ради сына? Это всего лишь ничтожный эпизод в бесконечной истории человеческих страданий.

Быть красивой — несчастье, это приносит беду!

Фан Шу почувствовал, как у него в животе всё перевернулось. Он встал и, склонившись над ложем, долго рвал, извергая лишь воду. Дневной свет резал глаза, а воспоминания о прошлой ночи нахлынули, как потоп, вызывая леденящий холод до костей.

— Ты долго звал маму, — сказал человек позади него и обнял его за талию. — Что, тошнит? Неужели за одну ночь уже...

Хо Тайлин был ещё сонным, но вспомнил прошлую ночь. Он, кажется, был слишком грубым, не смог сдержаться. Возможно, виной было вино, которое усилило его желание. На мгновение он пожалел об этом, но чувство удовлетворения быстро поглотило сожаление. В конце концов, и тот тоже стонал от наслаждения.

Фан Шу не отвечал, его мысли были в хаосе, а тело словно покрылось засохшим клейстером, который стягивал кожу.

— Я... кажется, заболел... живот болит... — Он снова лёг на ложе, тяжело дыша, как рыба, выброшенная на берег.

Хо Тайлин, услышав это, тут же проснулся. Он сел и увидел, что тело Фан Шу покраснело, глаза были полузакрыты, полны слёз, а лоб покрыт потом, на котором беспорядочно лежали пряди волос.

Хо Тайлин быстро встал и начал одеваться. Он был в панике, никогда раньше не занимался таким делом и боялся, что мог зайти слишком далеко.

Он поспешил вызвать врача, а перед уходом приказал стражнику никого не впускать. Если кто спросит, нужно сказать, что господин Фан устал и отдыхает. Стражник, слышавший ночью шум, испуганно кивнул.

К счастью, как только Хо Тайлин ушёл, Эрлян, обеспокоенный, пришёл проведать Фан Шу, но его не пустили. Пришлось вернуться.

Врач, пришедший осмотреть Фан Шу, измерил температуру, проверил язык и хотел снять одеяло, но Хо Тайлин остановил его:

— Мы занимались любовью...

Врач, привыкший к таким вещам, дал мазь и дал несколько советов.

Фан Шу, обычно не слабый, был расстроен и не обращал внимания на своё состояние, что привело к болезни. Весь день он мучился от тошноты и диареи, чувствуя, как его тело разрывается на части.

Он смирился с этим, думая, что уже пережил столько страданий, что это всего лишь укус дикой собаки. Он повторял себе, чтобы не придавал этому значения, и позволил Хо Тайлину кормить его.

— Позови Нань Цзиньцзи... она лучше справится с этим, — Фан Шу чуть не подавился, затем спокойно сказал.

Хо Тайлин, услышав это, нахмурился, и голос его понизился:

— Зачем её звать? Ты мой, кто позволит другим вмешиваться?

Фан Шу рассмеялся:

— Не издевайтесь надо мной, господин Хо. Вам понравилось? Хотите повторить?

<http://bllate.org/book/15514/1378305>